

УДК 821.161.1

**МИФ О ЛЮБВИ В ПОВЕСТИ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА
«ПЕТР И ФЕВРОНИЯ МУРОМСКИЕ»***Л. И. Еременко Т. В. Алтухова*

Алексею Ремизову, как и многим модернистам рубежа веков, была свойственна поэтика неомифологизма. Подтверждением этого тезиса служит авторский миф о Любви, созданный соединением фольклорных и христианских мотивов в образной структуре повести. В нашей статье мы постараемся проследить принцип их слияния на материале четвертой (канонической) редакции повести.

На данном этапе литературоведческого изучения наследия Ремизова многие исследователи пришли к выводу, что аккумуляция многообразных составляющих древнерусской культуры в его произведениях – один из важнейших факторов развития эстетической системы. Проблеме изучения взаимоотношения древнерусской культуры и творчества писателя посвящены монография А. М. Грачевой «Алексей Ремизов и древнерусская культура», многие статьи сборника «Алексей Ремизов. Исследования и материалы» (работы О. П. Раевской-Хьюз, М. В. Козьменко, С. Н. Доценко, А. М. Грачевой, А. Возняк, Е. В. Тырышкиной, Г. Слобин, Л. А. Иезуитовой, Э. Мануэльяна, А. Д. Амелия, Ю. Молока, Ю. К. Герасимова и др.). На особое место религиозно-мифологического компонента в творчестве Ремизова указывает и Н. Л. Блищ в монографии «Автобиографическая проза А. М. Ремизова (проблема мифотворчества)».

В повести появляются три сущности Любви. Это Любовь – Страсть, Истинная Любовь и Брак без Любви как крайняя степень искаженности любовных отношений. Каждой из сущностей присущ свой принцип построения образов, группирующихся вокруг него, и их мифологизации. Мы остановимся подробнее на Любви-Страсти и Истинной Любви, так как они являются основными мироорганизующими силами, и их противопоставлением мотивируется композиционное деление повести. Кроме того, принцип «Брак без Любви» не является разновидностью Любви как таковой – он противопоставляет себя ей, это отношения между людьми, где духовная связь (в том числе и Любовь) подменяется чем-то иным. Для создания особого бытия нужен стержень, «божество», которое сможет сконцентрировать вокруг себя отдельные элементы мироздания. Для мира Страсти таким стержнем становится Змей, для мира Любви – Феврония. Выразители же принципа «Брак без Любви», не обладая внутренним содержанием, слишком слабы, чтобы создать свою реальность.

Творчеству Ремизова свойственно свободное отношение к элементам мифологических и религиозных преданий. Входя в повесть, христианское и языческое подчиняются её законам, их общекультурная семантика становится фундаментом для построения художественного мира повести. В образе каждого персонажа есть как религиозные, так и

фольклорные элементы, однако принцип слияния их в каждом герое различен.

Рассмотрим Любовь-Страсть как первое проявление концепции Любви в повести. Первоосновой сюжета повести стал миф «о любви человека и волшебного существа». Воплощением «страстного» начала становится Змей, прилетающий к княгине Ольге. Создается этот образ сочетанием христианских и языческих черт, что не позволяет однозначно охарактеризовать его как положительного или отрицательного персонажа. Змей для княгини становится утешением, бегством от тяжелой жизни жены, нелюбимой мужем. Самый облик Змея соответствует этой его функции: у него белые крылья, а с лица он Павел. Белые крылья внешне сближают Змея с ангелом. Но, с другой стороны, страсть губит её, в конце первой части, когда Петр убивает Змея, Ольга тоже умирает. Любовь Змея изнуряет Ольгу: «С княгиней неладно: день ото дня как вешний снег...», «И весь день он её томил». Змей в фольклоре связан со стихией огня, в заговорах он призывался как волшебное существо, способное внушить страсть женщине. Змей Горыныч также связывался со стихией огня: второе его имя, «Горыныч», происходит от слова «гореть» – так и любовь Змея, как огонь, выжигает человека. Некоторые эпитеты, связанные с огнем Змея, носят враждебный характер: «блеск прорезал», «резко озолотилось». Почему же Страсть губительна для человека? Ответ на этот вопрос кроется в самой природе образа Змея. Змей – существо нереальное, входя в этот мир, оно нарушает его порядок. Змей приходит из мира сказок, рассказанных юродивым Лаской. Этим объясняется то, что Огненный Змей не может быть убит как обычное живое существо. В повести в качестве «характеристик» страсти, страстного состояния используются слова и словосочетания, отрицающие признаки, присущие людям и действиям: все происходит «не в разум», «не страшно», «не во сне», «не мечта»; «с княгиней не ладно», слуги «глядят не глядя», говорят герои «не своими» головами, и, наконец, змей «не дракон». Но на месте отрицаемых признаков не появляются другие. Так в мире реальном, противопоставленном сказочному, нет предметных соответствий. Змей связан с иррациональным началом, в повести говорится, что появление Змея происходит «Ольге не в разум». И то «ощущение», которое подсказывает княгине, что что-то не так, названо «нечувством», при этом в Ольге обостряется животное начало: «всем нечувством она чует». Чтобы познать сущность Змея, героине необходимо самой войти в область «нечеловеческого». Интересно, что при первом своем появлении Змей не сразу принимает человеческое обличье: «...она очнулась, и в глазах кольцом жарко вьется и крылом к ней – горячо обнял, и она видит

белые крылья и что с лица он Павел». Отсутствие местоимений до того, как сказано о восприятии Ольгой Змея, связано с тем, что в момент появления в мире людей Змей не имеет какой-либо оболочки, и лишь потом, проникнув в мечты Ольги, он принимает облик Павла. Апогей «неопределенности» сущности Страсти наступает в битве Змея и Петра, когда Змей теряет всякую оболочку, говорится: «кольчато-кровоное ползло», но не обозначен субъект действия.

Интересно отметить, что дракон из церковных преданий, в отличие от Змея, вписан в реальность жителей Муром, в их сознании он действителен, обладает плотью, и его легко убить: «Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьем проткнул». Церковь и жизнь едины, они находятся на одном полюсе, на другом же полюсе сказочный мир, мир преданий мыслится как потусторонний. Чужеродность Змея бытию обуславливает всевозможные нарушения восприятия реального мира при его появлении: зрительные, аудиальные: герои не видят его, видят сквозь него, видят то, чего нет в реальности, говорят не своим голосом и т. д.

Одна из ключевых характеристик Змея – «кольчатый», связанная с символикой круга. Круг – это отсутствие начала и конца, пространства и времени, верха и низа. Для Ольги смешивается день и ночь – сначала день становится ожиданием ночи, а затем день и ночь смешиваются: Змей посещает ее в любое время суток, и уже невозможно провести границу между ними. Внутри круга, образованного Змеем, все смешивается, нет границ между любовью и изменой, чистотой и грехом. И смешиваясь, все нормы, ценности реального мира утрачивают свое значение, так как именно границы, отделяющее «хорошее» от «плохого», и придают ему ценность. С другой стороны, круг – это граница, за пределы которой выйти невозможно, так как он замкнут. Ольга не может выйти в реальный мир из круга страсти, она замкнута в Страсти Змея, которая выжигает её. Кольца Змея замыкают не только внутренний мир героев (Ольга – сосредоточивается на своей связи со Змеем, Павел – на мысли об убийстве его). Обратим внимание на замкнутые пространства, в которых находятся герои, так или иначе попавшие под влияние Страсти. Ольга привязана к своей половине покоев, Петр, думая о завтрашнем поединке со Змеем, прячется за башнями. Павел после того, как узнает, что жена ему изменяет, ни разу не выезжает в поле на охоту. Герои замыкаются в одном месте, на одной мысли, на одном состоянии, и движутся по кругу, не имея возможности идти вперед.

Страсть связана с нарушением миропорядка, что обусловлено её чужеродностью этому миропорядку. Ольга, решаясь на измену, противопоставляет себя миру людей и всему миропорядку в целом, так как, предаваясь любви по церковным праздникам, она нарушает не только человеческий закон, но Божественную заповедь. Это приводит её к безумию, она как бы теряет разум и переходит в мир мечты, этот переход лишает её опоры в реальном мире. Поэтому она и умирает в конце: с убийством Змея она теряет

ту жизненную силу, которую давала ей сказка, она уходит со Змеем в потусторонний мир. Ольга даже теряет человеческий облик, ее часто сравнивают с птицей: оборотничество является возможностью проникнуть в нечеловеческий мир. Со смертью Змея и Петра, убивший его, оказывается балансирующим на грани смерти: его болезнь, вызванная кровью Змея, попавшей на кожу, практически неисцелима, она, как клеймо потустороннего мира, убивает его. Змей сохраняет свою власть над Петром в его прозвище «Змее-борец», это своего рода магическое слово приковывает Петра к Змею. Болезнь Петра названа «телесной скорбью – безобразием» – Змей отбирает у Петра образ, его человеческий облик. Теряя образ, Петр, как и Ольга, переходит в ирреальный мир. Тело Петра начинает издавать звуки, сходные и с «шуршем» белых – бумажных крыльев Змея, и с клокотом, вырывающимся изо рта Ольги: «кости хрястают, суставы стрекочут», «стреха зубами». Петра утягивает болезнь, лишая его возможности бороться: «от слабости стало и на ноги не подняться».

Страсть становится не только характеристикой отношений между людьми, но и определенным мировоззрением, способом самоопределения и «линией жизни» и религией, подобной язычеству. Божеством Страсти предстает Змей. Необходимо отметить, что в 1228 году, к которому отнесено время действия в повести, Русь была крещена более двух веков, и как целостная религиозная система язычество уже не существовало, её элементы сохранялись в фольклоре и магических обрядах. Так и Страсть-язычество не может существовать полноценно в мире людей, она носит на себе печать инобытия.

Страсть не связана с человеческим миром, поэтому ей необходим «проводник», которым становится Ласка, и «средство связи» через слово. Каждый из образов, представляющих Страсть, имея «языческое» ядро, характеризуется рядом христианских элементов, которые служат «маской» потусторонним персонажам, помогающей им проникнуть в мир людей, так как христианское мировоззрение вписано в рамки реального бытия.

Базируясь в подсознательном, мире эмоций и снов, Страсть ограничена пространственно: церковь, монастырские стены, княжеские покои. Страсть замыкается в самой себе, это огонь, сжигающий себя изнутри.

Во второй части ключевой является фигура Февронии, воплощающая в себе Любовь Истинную. Любовь Петра и Февронии гармонична, она не нарушает миропорядка, в отличие от Страсти Ольги и Змея. И если Страсть приводит к тому, что Ольга замыкается в мечтах-сказках, то Любовь направлена во внешний мир: во-первых, расширяется география повести, во-вторых, явления этого внешнего мира начинают подчиняться Февронии. Крошки хлеба по её воле превращаются в ладан, сухие веточки – в деревья, в городе по её слову то бушует мятеж, то наступает покой. Но теперь перед нами не сказочные чудеса, а житийные. Феврония, хотя и

считается в Муроме ведьмой, но в основу этого образа легли традиции именно христианских легенд, она важна в повести не как волшебница, а как святая. В течение второй части происходит преодоление сказочных, «волшебных черт» в образе Февронии, но связано это не с эволюцией самой героини, а с изменением восприятия ее Петром (его исцелением). Даже типично сказочная награда – женитьба – переосмысливается, теперь это – испытание воли, а не счастливый конец волшебной сказки. С изменением восприятия связано и изменение имени героини: пока сохраняется сюжетная основа волшебной сказки (до вечания Петра) бортничиха называется Февроньей (разговорный вариант имени), но после его преодоления закрепляется церковный вариант имени: «Феврония». Феврония исцеляет князя Петра – выводит его из-под власти потустороннего мира, дав возможность ему стать вновь причастным к целостному реальному бытию, из которого он был выключен своей болезнью. Лекарство для Петра Феврония готовит в квашне, то есть использует для своего колдовства обыденные предметы, через которые и она старается вернуть князя к жизни. Кроме лекарства, приготавливаемого в квашне, что мы можем соотнести с выпеканием хлеба – основы жизни, образ хлеба появляется в повести еще несколько раз. Крошки, превращенные в ладан, власть Февронии, «которая сказывается до мелочей, до хлебных крошек», и новое «чудо», которого не было в древнерусской повести: превращение хлебных крошек в золото. Этот образ, возможно, восходит к евангельскому изречению «не хлебом единым жив человек». Превращение крошек в ладан или в драгоценности говорит о выборе жизненного ориентира персонажей. Хлеб-ладан – это «благодать» внутренняя, связанная с расцветанием жизни, быт «вырастает» до бытия. И наоборот, хлеб-золото превращается для бояр в проклятье, угасание души, они наказываются безумием. Бояре выбирают лишь материальную сторону жизни, «хлеб насущный» – и это приводит к войне в городе. Власть Февронии до хлебных крошек создает образ полного порядка в государстве, порядка, при котором нет места злу. Возвращаясь к исцелению князя, интересно отметить, что сама Феврония говорит об этом: «Если бы кто потребовал твоего князя к себе, мог бы вылечить его». Для того, чтобы вырваться из-под гнета болезни, Петру нужен «оплот» в реальном мире: только крепкая связь с реальностью помогает выжить герою. И такую крепкую связь дает именно Любовь. Нужно отметить, что духовная связь между людьми или ее отсутствие выражается через внешние признаки. Внутренняя пустота «бытовых» героев просвечивает через просторные, ничем не заполненные помещения, в которых они находятся, – это и княжеские палаты, и Городовая изба, где происходит боярский пир. Змей и Ольга «сидят тесно», но при этом Ольга не помнит прикосновений Змея – он будто и не дотрагивается до нее – все, что подтверждает реальность их встреч – это след от поцелуев Змея, но самого момента объединения Змея и княгини через прикосновение в повести нет. И только Феврония и Петр впервые берутся за

руки – они как бы становятся единым существом с общей волей, что подчеркивает гармоничность Любви.

Вообще, Любовь у Ремизова связана с категорией целостности, вокруг Февронии как бы стягиваются те «пласты» бытия, которые ранее были разрозненными. Ее слово характеризуется как «жильное», «заоблачно» и «поддонное» – с одной стороны, связанное с жизнью, самой её сутью, а с другой – с различными полюсами бытия, стянутыми в одно слово.

И Любовь, и Страсть испытываются «столкновением» с «бытовыми», «низкими» персонажами. В первой части Страсти противостоит Павел, муж Ольги, а Любви во второй – муромское боярство. Низкими героями мы считаем персонажей, оказавшихся неспособными на духовное восприятие жизни, важнейшими для них являются материальные ценности.

С точки зрения бытового героя впервые предстает перед читателями и сама Феврония. С одной стороны, такое введение Февронии в повесть характеризует ее как персонажа, отнесенного к полюсу реального мира. Но, с другой стороны, через контраст между точкой зрения княжеского отрока и образом Февронии, складывающимся в дальнейшем, передается разница сущностей Истинной Любви и Брака без Любви.

Лексика, используемая для передачи впечатления Гриди от Февронии, намеренно сниженная: «вперся», «девка», «экий». Этим словам, понятным всем и встречающимся только в обиходной сфере, противопоставлены слова-«загадки» бортничихи. После того, как она видит, что перед ней человек, неспособный отгадать загадки – не тот, кого она ожидает, она «снисходит» до его уровня общения. Объясняя свою загадку, она использует уже не архаическую форму «очи», а «глаза», объясняет значение слова «навы», и что еще более важно, при знакомстве называет разговорный вариант имени – «Февронья», а не «Феврония», как записано в святцах. Речь Гриди содержит клише – представляясь сам и рассказывая о князе-змееборце, он говорит заученные фразы, используя эллиптические предложения, характерные для разговорного синтаксиса.

Феврония защищает Петра от натиска бытовых героев. Когда бояре приходят к князю требовать убрать бортничиху, Петр чувствует силу толпы пришедших. Низким героям не важна душа человека, и в князе для них важна именно слабость, дающая возможность подавить его, «вить веревки». Для Февронии важен Петр сам по себе, поэтому она на пиру требует в качестве откупа не золото, а самого Петра. Страсть же оказывается неспособной дать человеку сил для отстаивания себя как личности, сил на борьбу с внешним давлением – и персонажи-выразители Страсти в конце первой части погибают. Феврония и воплощенная в ней сущность Истинной Любви оказывается способной не только отстоять себя, но и преобразовать мир, «одохотворить» его.

Но Любовь не только созидаящая сила, улыбающаяся, как мать, но и разрушающая препятст-

вия, горящая преисподним огнем. Любовь деятельна – ведь Феврония всегда за делом, то вышивает, то ткёт, то занимается государственными делами.

Таким образом, Истинная Любовь и Страсть в художественном мире Ремизова организуют определенные уровни бытия, в центре которых находятся Змей и Феврония, воплощающие эти силы. Петр и Ольга в повести пассивны: они воплощают в себе обобщенную судьбу человека, попавшего под влияние той или иной стихии.

Если в первой части христианские элементы были лишь элементами облика, «формы» персонажей, «скрывающими» их фольклорно-языческое содержание, то во второй – баланс между язычеством и христианством меняется. Теперь уже за основу взята модель церковной легенды или апокрифа. Элементы язычества также присутствуют, однако теперь они включены в христианскую канву отдельными нитями, они как бы переосмысливаются с позиции христианства. В отличие от Страсти, Любовь не приходит извне, она является своеобразным откликом на действительность, она гармонично связывает человека с внешним миром, его законами. Именно Любовь имеет человеческое лицо – Её носителем становится Феврония, тогда как Страсть имеет сущность звериную – и нечеловеческое начало этого чувства становится губительным для героев вследствие своей чужеродности им.

Такое понимание сущностей Любви и Страсти проясняет некоторые отличия рассматриваемой повести от её прототипа. В древнерусской повести нет эпизода проклятия бояр Февронией на пиру – он искажил бы образ святой. У Ремизова этот эпизод дополняет представление о Любви как о могущественной силе, способной и защитить, и покарать отступников, тех, кто отрекся от духовных ценностей ради хлеба-золота.

В свою очередь, у Ремизова нет эпизода на корабле, когда кормчий возжелал Февронию, на что Феврония ему предлагает испить воды по одну и другую сторону корабля, чтобы доказать ему, что все женщины одинаковы – и княгиня, и жена кормщика. В рассматриваемой повести важна внутренняя основа поступков человека, его индивидуальная позиция по отношению к миру. Феврония не просто

жена Петра, она герой-выразитель сущности Любви и таким образом противостоит и низким героям (в том числе и боярским женам), и Ольге, выбравшей Страсть. Через народное слово дается оценка Февронии как выразительницы сущности Любви, и эта оценка появляется в сравнении ее с бытовыми героями (боярынями) и с персонажами, связанными с сущностью Страсти (ведьмами). Выстраивается своеобразная иерархия ценностей, в самом низу которой находится бытовое начало (поэтому и Любовь сравнивается сначала с ним), затем Страсть, как преодоление быта, и венчает эту «лестницу» Любовь, несущая в себе творческую силу.

Страсть и Любовь, как уже отмечалось, противопоставляются на сюжетном уровне Браку без Любви или быту. Но противопоставляются они по-разному, исходя из своей сущности: Страсть стремится разрушить человеческую жизнь, разрушает уклад и быт. Истинная же Любовь преображает быт всего Муромца, гармонизирует его, преображает самих героев – носителей низкого начала.

Сущность Истинной Любви воплощается через христианские образы, так как важнейшей ценностью христианства была Божественная Любовь. Интересно, что Ремизов в своей повести перестраивает систему ценностей – и не Бог становится миротворческой и мироорганизующей силой, а Любовь, её непреходящая сущность.

Литература

1. Блищ, Н. Л. Автобиографическая проза Ремизова (проблема мифотворчества) [Текст] / Н. Л. Блищ. – Мн.: ЕГУ, 2002. – 116 с.
2. Грачева, А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура [Текст] / А. М. Грачева. – СПб.: Наука, 2000. – 334 с.
3. Грачева, А. М. Древнерусские повести в пересказе Алексея Ремизова [Текст] / А. М. Грачева // Русская литература. – СПб., 1988. – № 3. – С. 155 – 176.
4. Повесть о Петре и Февронии [Текст] – Л.: Наука, 1979. – 278 с.
5. Ремизов, А. М. Сочинения: в 2 кн. Кн. 2: Круг счастья [Текст] / А. М. Ремизов. – М.: ТЕРРА, 1993. – 384 с.